

Принятие неопределенности как предпосылка развития психологической теории

Т.В. Корнилова

Введение

В прошедшее десятилетие в отечественной методологии психологии были развернуты споры о путях развития психологии, о соотношении в ней основных парадигм (естественнонаучной и гуманитарной, морфологической и динамической и т.д.), вообще о том, находится ли эта наука на допарадигмальной стадии, полипарадигмальной или же в имманентном кризисе, коль скоро не предвидится оснований построения единой психологической теории (Методологические..., 2004; Смирнов, 2005; Теория..., 2007). Эти споры оказались продуктивными с точки зрения рефлексии научным сообществам философских и мировоззренческих оснований психологических теорий, соотношения теоретического мира психологии и практики, движения в сторону принятия тех или иных ценностей (легализация ценностных аспектов психологических теорий стала самостоятельным завоеванием (Ценности в психологии, 2008)). Преподавание методологии психологии на факультетах университетов было подкреплено разработкой первых учебных пособий (Корнилова, Смирнов, 2006). Стали регулярно проводиться конференции по методологии психологии. Однако к сегодняшнему дню можно говорить о необходимости изменения основной обсуждаемой проблематики.

Обсуждение путей движения психологии в рамках тех или иных парадигм привело к такому побочному результату, как стремление к маркировке авторов и их работ вместо содержательного анализа предлагаемых схем психологического объяснения. Навешивание ярлыков приверженности работы той или иной парадигме мало что давало развитию психологического объяснения и понимания раскрываемого в ней предмета. Оно не способствовало улучшению работы психологов-исследователей или психологов-практиков.

Парадигмальное противопоставление объяснения и понимания выступило основанием написания ряда работ и диссертаций на эту тему, но не изменило соотношения данных компонентов в теоретическом обосновании результатов конкретных психологических исследований. Сколь ни привлекательны были призывы к построению единой психологической теории, но столь же очевидным стал прогресс психологии в иных направлениях — углубления представлений о предмете исследований, разработки методического инструментария и новых типов гипотез, изменения взаимодействия с другими науками — и естественными, и гуманитарными (Прогресс..., 2009).

На этом фоне любопытной представляется тенденция ухода от прежних методологических споров к риторике, которая стала включать, в частности, апелляцию к «недоумству» исследователей, чьи работы и взгляды уже не вмещались в прежние схемы методологического единомыслия. Старая проблематика диалектического мышления получила новый импульс в желании обучать ему коллег. Этот поворот (как несогласие с предлагаемыми вариантами «обучения» диалектике) будет первой из рассматриваемых нами в данной статье проблем.

Следующим — и основным, как мне кажется,— должен стать вопрос: не пора ли переходить от противопоставления или примирения разных парадигм в психологии к другому типу методологического рефлексирования? Важным представляется следующее его направление (при возможности и необходимости ряда других): выделение схем научного поиска, которые возросли в рамках самих психологических теорий и отражают не парадигмы (а также метадигмы или социодигмы, обращение к которым выполнило свою продуктивную функцию на предыдущих этапах развития философии психологии), а конструктивные продвижения в теоретических реконструкциях в рамках самой исследовательской практики. Парадигмальная рефлексия должна перейти от дихотомических противопоставлений к предметному анализу оснований тех

методологических установок, которые отражают внутренние опоры психологических построений (гипотез, концепций, теорий). Соответствующее обсуждение уже не может быть «беспредметным», оно предполагает экспликацию положений частно-научной методологии для прояснения различий в постановке проблем и в подходах к их решению. С ним будет связано и продвижение между уровнями методологического знания,— в следовании различению, введенному Э. Юдиным (Юдин, 1996). Так, для уровня общенаучной методологии актуальным остается обоснование принципов психологии. Введение (а скорее легализация) новых принципов в психологии является результатом — как мы это показали, в частности, для принципа неопределенности — одновременно двух тенденций: движения «снизу» и «сверху» (Корнилова, 2010а, 2010б).

Наконец, изменения в методологии психологии могут быть связаны с учетом ее междисциплинарных дискурсов. Один из них породил в последнее время обсуждение проблемы соотношения так называемых качественной и количественной методологии. Прояснению этого вопроса посвящена последняя часть статьи.

Диалектическое мышление и призыв к монизму в теоретическом мире психологии

Открытость теоретического мира психологии и принятие *относительности* истинности психологических построений стали теми ее завоеваниями, благодаря которым она бурно развивалась в течение прошлого столетия. Наука вообще давно прошла ту *допарадигмальную* стадию своего развития, когда ее цели мыслились как создание закрытых («замкнутых») теоретических систем. Поэтому претензия на создание единой теории может обсуждаться только при сознательном солипсизме в отношении к завоеваниям в большинстве областей психологии, где разработаны разные представления о ее

предмете, который строится на базе использования не только разных категорий, но и разных типов исследовательской методологии.

Сама история психологии оказалась возможной только тогда, когда возникла необходимость сопоставления (и противопоставления) психологических подходов, т.е. при их развитии для решения все новых проблем. Идеологические основания в данном случае хотелось бы вынести за скобки (коль скоро это отдельная постановка вопроса: о роли мировоззренческих ценностей и идеологии в психологии). И если это осуществимо, то вопрос «Чему учит история психологии?» требует переформулирования — «Чему учится история психологии при анализе теоретического мира психологии?»¹.

Но последний можно и обойти, если искать мировоззренческие и общенаучные методологические основания оценивания психологических взглядов вне контекста их внутренних опор, формулируемых в рамках психологических концепций и теорий. Обозначим пока эти внутренние генерализации исследовательских опор в противопоставлении понятию «метадигм» (и «вчитыванию» тех или иных положений в работы тех или иных авторов) не микро- или мезодиγμαми, а «экстрадиγμαми» — как построенными на основе движения в исследовательском плане обобщениями, интегрирующими опоры частно-научной методологии, неоднозначно воплощающие принципы, развиваемые как общеметодологические.

На таком пути предметного рефлексирования, возможно, уже не будет столь явной путаницы в методологических оценках, которые связаны с прямыми «перескоками» от верхних уровней методологического знания (философского и общенаучного) сразу к попытке поправить авторов в их конкретно-научных построениях. Так, минуя звено общенаучной методологии,

¹ Можно было бы сказать, что тенденция к деидеологизации меньше всего затронула отечественную историю психологию.

сегодня иногда взывают к единомыслию как якобы философски обоснованной тенденции, идущей то от Гегеля, то от Дильтея (то, как полемически заметил В.П. Зинченко, от Кузьмы Пруткова). Эти пропуски приводят к парадоксам, если соответствующие философские построения привлекаются как вне критического анализа их других прочтений (в рамках других мировоззренческих установок), так и вне обсуждения тех «экстрадигм», которые проясняли бы правомерность того или иного навешивания на них ярлыков².

Промежуточным звеном, которое позволяет «поправлять» пути движения психологической мысли, оказывается апелляция к «диалектической логике», если она берется психологом вне контекста конкретной исследовательской практики и частно-научной методологии (Соколова, 2008). Прежде чем привести ее апелляции к диалектике Гегеля, отметим такой важный контекст этого понятия, как несводимость его к формальному представлению. «Рыцарь диалектики» Э.В. Ильенков следующим образом представил противоречие между Марксом и Гегелем, анализируя разное отношение у них к *практике*: «Чтобы перейти от “дела логики” к исследованию “логики дела”, логик должен перестать быть *только* логиком и стать либо экономистом, либо физиком, либо политиком» (Ильенков, 1968). Диалектическая логика мыслилась им как «учение о методе конкретного разрешения реальных противоречий»; при этом роль теоретического мышления — не разрешать формально-логические противоречия, а формировать представления о предмете, начиная с его простейших абстрактных форм и завершая конкретными (наиболее развитыми) его формами. Чтобы обсуждать представленность диалектики в психологии, необходимо (если продолжить ряд перечислений вслед за Ильенковым) стать

² Меня поразило предложение, высказанное одним из выступавших в рамках секции методологии на конференции, посвященной 125-летию Московского психологического общества. Оно заключалось в том, что исследователь должен сам себя назвать как-то — вывесить ярлык той или иной парадигмы; и по этой маркировке методолог уже будет определять, как относиться к этой конкретной психологической работе. Это было бы смешно, если бы история не давала страшные примеры таких классификаций идей (и людей).

психологом; в его контексте это означало анализировать развитие соответствующих той или иной области научных теорий как последовательное движение в предмете. Таким образом, логика может устранять формальные противоречия, но только практика выступает действительным основанием и предпосылкой мышления («практика — мышление — практика»). Если речь идет о практике научных исследований, то пути и цели их лежат не в плоскости формальной логики, а в движении реальных форм предметно-чувственной деятельности, наполняющих конкретными формами представления о предмете психологии.

Приведем примеры разных типов прочтения работ, апеллирующих к Гегелю, отечественными авторами³. В первом апелляция к гегелевской диалектике используется для критики так называемой *сетевой* парадигмы построения знания, психологического в том числе (Гусельцева, 2007; Зеленкова, 2009; и др.), и обоснования возврата тех, кто якобы не знает Гегеля, на платформу *единомыслия* (почему-то в варианте этой концепции — одной из многих деятельностных концепций, в том числе и в немецкой классической философии (Лекторский, 2004)). Сетевая парадигма — метафора, используемая в контексте обозначения специфики той стадии научного знания, которая, если следовать концепции В. Степина, переходит к постнеклассическим идеалам рациональности (и отвергает «построительную» метафору, заданную классическим естествознанием). Критиковать метафоры — странный посыл. Ведь никто не критикует образ кентавра (и не ищет его останков), входя в мир греческой мифологии, — он выступает медиатором определенных смысловых нагрузок повествования. Очевидно, что сетевая метафора — не основание

³ Они идут в обход того прочтения, которое состоялось в работах К. Поппера (Поппер, 1992), поставившего под сомнение основания гегелевского положения о том, что все разумное действительно, а все действительное разумно. На аспект общности понимания идеального в концепциях Поппера и Ильенкова указал недавно В.А. Лекторский (Лекторский, 2009), что не могло быть сделано в советский период отечественной философии.

современной науки, а лишь один из способов осмысления развития современного научного знания.

Второе прочтение, представленное в работе В.П. Зинченко (Зинченко, 2001), напротив, извлекает из гегелевских схем (тезис — антитезис — синтез) проблему «спекулятивного» (точнее, креативного) этапа человеческой мысли как прорыва за рамки известного, значит — раскрывает необходимость мыслить, отрываясь от заданных надындивидуальных схем⁴.

Сетевая метафора подвергнута критике и в работах Е.Е. Соколовой, которая противопоставила ей диалектику (причем как диалектику *монизма*), апеллируя к Гегелю (Соколова, 2008). Кто-то («кое-где у нас порой»), согласно этой критике, мыслит неправильно (или их разум спит) — то ли разработчики соответствующих концепций (на уровне философии науки), то ли психологи, считающие необходимым знакомство с разными способами представления психологических знаний, в том числе и в рамках сетевой их организации. Отметим, что сетевая схема правомерно обозначается как отмечающая монистическую концепцию представления знаний, но необоснованно смешивается с определенным типом размышления — якобы не диалектического.

При этом автор критики путает проблемы *организации* знаний, закрепляемые в теоретическом мире психологии, и пути размышления субъекта («метасубъекта» у Гегеля) по отношению к одному из тезисов в этих знаниях. Таким субъектом выступает научное сообщество, а не объективный дух, который познает самого-себя-в-самом-себе. В соответствующем курсе обучения коллег диалектике соответствующий ей путь размышления выглядит вполне формальным и линейным. Ильенков, который впервые раскрыл в советской философии «глубочайшее теоретико-психологическое содержание немецкой

⁴ Последнее прекрасно представлено в метафоре, использованной М. Мамардашвили для характеристики единства культуры и мышления человека в его втором рождении и последующем преодолении заданных схем (Мамардашвили, 1992).

философской классики» (Лекторский, 2009), противопоставлял гегелевской логике диалектическую логику как «процесс движения понятий» и считал, что в «теоретическом мышлении выражается действительность» (Ильенков, 1984). Действительность, отображаемая в ее сетевых концепциях, не может быть критикуемой с позиций движения по схеме «тезис — антитезис — синтез».

В диалектической логике, построение которой этот философ связывал с развитием диамата, предполагалось развитие предмета в его изучении, т.е. в содержательном движении представлений о нем, а не в ликвидации вербального противоречия суждений о предмете. «Выявленное противоречие разрешается действительным движением предмета» (Ильенков, 1999, с. 252),— эта фраза резюмирует отнюдь не понимание апелляции к единству мысли или прямолинейность в движении мысли по указанной схеме. Критичность размышлений, по Ильенкову, также сама по себе не устраняет противоречия. Оно устраняется в ходе развития представления о предмете.

Однако не всякое обсуждение предмета свидетельствует о развитии представлений о нем. Так, приписывание сетевой метафоры характеристики «комплексного мышления» — аналогия, увиденная Соколовой, но не развитие представления о современном состоянии мира психологических теорий (Соколова, 2008). Научный анализ строится не на приписываниях метафорам несвойственного им статуса и не на аналогиях. Принципиально иной путь обоснования правомерности тех или иных точек зрения как научных — реализация тех или иных (теоретически фундированных) объяснительных схем в отношении изучаемого предмета. Псевдонаучными являются ошибки ценностных суждений и апелляции к авторитетам как способы задания тех или иных идеологических знамен, а также апелляции к якобы однозначным и единым схемам научного мышления, в данном случае подменяемым перескоком к понятию «диалектической логики».

То понятие диалектики, которое формулировалось в работах Ильенкова, предполагает несводимость путей мышления (даже взятого в сугубо логическом контексте, безотносительно к предметному и смысловому содержанию) к его пониманию как движения в сторону выработки единственной платформы для научного мышления или создания какой-либо единой теории (какого-либо изучаемого предмета). Диалектика, примененная к теоретически оформленным высказываниям, не может покрывать собою всего движения в пространстве *обобщений*, которое возникает при соотнесении теоретического и эмпирического знания. Если же учитывать неоднозначность выделения предмета психологии, зависящего как от мировоззренческих и теоретических установок той или иной школы, так и от используемых методов, то тем более апелляция к диалектическому мышлению не может стать критерием для философского подведения всех возможных путей научных размышлений под одну форму или аргументацию.

В классической философии были сформулированы законы диалектики, которые в системе Гегеля лишь косвенно относились к индивидуальному познанию, поскольку в них выражалась логика мышления абсолютного духа, но явленная в мышлении человека. Историк психологии осуществляет прорыв от рассматриваемых законов сразу к психологической оценке сетевой парадигмы, которая к воззрениям Гегеля не имеет отношения, как и его «Наука логики» — к реальным процессам становления научного знания (она берет лишь формальный аспект рассуждений). Психология мышления, можно сказать, выстрадала то понимание, что мышление не может описываться его логическими схемами. Научное мышление, несомненно, предполагает логическую компетентность, но отнюдь не в меньшей степени — ту конструктивность (реальной мысли), которая никак не охватывается логическими схемами — даже диалектической логики. Однако рассмотрим второй пример апелляции к гегелевской логике.

Диалектическое мышление как предполагающее порождение обобщений, а не селекцию научных путей познания

О важной роли понимания диалектического мышления писали В.Ф. Асмус и позже В.П. Зинченко, соотнося в нем компоненты и этапы рассудочного — эмпирического — и разумного (разум есть дух, по Гегелю) — дискурсивного. Его прочтение Гегеля свидетельствует о совсем другом следствии — о невозможности представлять диалектическое мышление в описании заданной схемы «тезис — антитезис — синтез». Для психолога важно, что за скобками оказалась проблема собственно *теоретического* мышления, несводимого к *эмпирическому* — рассудочному. Зинченко рассмотрел оппозицию теоретического и эмпирического мышления, отталкиваясь от работы Асмуса «Учение Гегеля о правах и пределах формального мышления», и обосновал, что рассмотрение *диалектического* мышления в противовес *рассудочному* в работах В.В. Давыдова и Э.В. Ильенкова «возвышает диалектическое мышление» (Зинченко, 2001). Но при этом, как он считает, абсолютизировался отрицательно-разумный компонент в развертывании процесса мышления.

Диалектическое мышление в этом варианте — *отрицательно-разумное*, выполняющее важную роль «преодоления ограниченности конечных определений», превращения их в свою противоположность. «Отрицательное» в диалектике в снятом виде входит в конечный результат мышления — синтез. Но достижение этого результата является функцией *положительно-разумного* компонента, называемого также «спекулятивным». «Спекулятивным» здесь названо положительно-разумное основание синтеза, которое базируется на интуиции, созерцательности, продуктивном воображении. И весь путь развития философской и психологической мысли свидетельствует о том, что продуктивность мышления (философского, научного, индивидуального) не может быть связана с оценкой «положительно-разумного» в актах мысли как ведущего к одной и той же истине.

Если теперь отвлечься от апелляции к Гегелю и вспомнить другое основание критики историком психологии «сетевой парадигмы», то вновь обнаружится разница в прочтении и понимании, только теперь уже текстов Л.С. Выготского. Эта характеристика знания на постнеклассической стадии его развития, обнаруживаемая уже после освоения наукой классического и неклассического идеалов рациональности, вдруг связывается с *комплексным* мышлением (Соколова, 2008). Но даже для цели дискредитации современного научного знания вряд ли следует путать *комплексное мышление* как стадию развития *индивидуальных обобщений* и как характеристику методологических схем в науке, которые имеют *надындивидуальный* характер, а речь идет о научном *сообществе* как субъекте познания. О специфике научного мышления как опосредованного категориальными регулятивами писал М.Г. Ярошевский, о его культурогенности — М.К. Мамардашвили, о надындивидуальном субъекте мышления — О.К. Тихомиров и ряд других философов и психологов. Никаких оснований приписывать характеристикам стадий научного познания особенности индивидуальных обобщений быть не может.

Ощущаемое Е.Е. Соколовой «неудобство» сетевой метафоры связано, на наш взгляд, с тем, что соответствующая ей парадигма (включающая исследовательскую практику и развитие предмета в теоретическом его осмыслении) предполагает *принятие неопределенности* в научном мышлении,— в частности, в связи с отсутствием «системообразующего фактора» и необходимым «спекулятивным» аспектом диалектического мышления (Соколова, 2008). Это неудобство (и пути его преодоления) можно обсуждать, но нельзя привешивать ярлыки (тем более исходящие из области конкретных исследований) психологии мышления, явлениям, характеризующим междисциплинарные связи. Последнее демонстрирует, как трудно усваиваются характеристики постнеклассической стадии научного познания, если специалист мыслит в рамках одной из возможных методологических

позиций,— пусть даже это и позиция диамата, конкретизированная в данном варианте оксюморона «диалектического монизма»⁵. В следующем параграфе мы проясним основания принятия неопределенности как принципа в психологии и необходимого контекста развития теоретических преставлений об изучаемом предмете.

Пока же отметим, что и философия, и методология науки тоже развиваются, и нет никаких оснований переносить прежние методологические платформы на те новые реалии, которые даже не предполагались «разработчиками» этих (прежних) методологических путей познания. Полагать, что история психологии может рассматриваться как «методологический эксперимент» (другое предложение Е.Е. Соколовой) — это значит считать, что из прошлого в будущее проложены все наметки возможных познавательных противоречий (разрешению которых и служит *методологический эксперимент*⁶), что принципиально новых проблем и качественно новых стадий в научном познании быть не может. Либо нужно легализовать другое следствие — возможна другая история психологии, поскольку эксперимент связан с наличием конкурирующих между собой и даже контргипотез, а полученный результат может оказаться и артефактом.

Итак, предполагать закрытость теоретического мира психологии, что неизбежно в рамках единомыслия,— это значит противостоять самому духу и формам диалектического мышления. Диалектический цикл заведомо предполагает выдвижение, как сказали бы сегодня в рамках обсуждения экспериментального метода, конкурирующих теорий и «других» объяснений, и путь движения научного познания ну никак не представим в форме движения к

⁵ Перенесенный из области решения основной онтологической проблемы на область гносеологии монистический подход означал бы отрицание той второй возможности теории, без которой о диалектике говорить не приходится. Собственно это и отстаивается автором «критики» — невозможность новых методологических позиций или новых методологических противоречий в психологии.

⁶ Спор имеет смысл, правда, только в том случае, если автор использовала именно то значение данного понятия, которое раскрывалось при введении в методологию психологии (Смирнов, 2005).

единой теории (пусть и в рамках одной отдельно взятой области — психологии). Из понимания *диалогичности мышления*, как и раскрытия философских оснований диалектического мышления, следует, напротив, принципиальная открытость мира теорий, поскольку к каждому тезису, прошедшему полный цикл обсуждения и реализованному в том или ином «синтезе», будет сформулирован антитезис.

Научное знание принципиально гипотетично. Наиболее строгий путь теоретико-эмпирического познания — эксперимент — также представляет собой гипотетико-дедуктивное рассуждение. В соотношении мира теорий и эмпирически устанавливаемых зависимостей всегда будет оставаться «интерпретационный зазор», предполагаемый направленностью контргипотезы (без чего нет экспериментального метода). Каждая гипотеза остается открытой для дальнейшей проверки. Но главное — нет предела человеческому разуму, который будет выдвигать новые гипотезы и новые теории.

Открытость человеческого мышления — принципиальная особенность человека. И эта открытость, как и «спекулятивный» характер позитивного (конструктивного) этапа диалектического рассуждения, гарантирует выдвижение новых теорий, кто бы ни «закрывал» их, оформляя в рамки завершенных систем.

Принцип неопределенности как основа преодоления единомыслия и редуционизма в психологии

Из рассмотренной выше проблемы необоснованных переносов понятий из одной области знаний на характеристики других не следует, что на уровне общенаучной методологии не могут быть найдены основания тех междисциплинарных связей, которые характеризуют сегодня развитие психологической мысли. Хочется только напомнить, что использование обобщений, сложившихся в других областях знания, может выполнять

эвристическую и *продуктивную* функцию в психологии, но может вести и к *редукционизму* (Юревич, 2006; Корнилова, 2006).

Последнее в полной мере относится к становлению *принципа неопределенности* в психологии. Признание того, что одним из ведущих в науке сегодня становится принцип неопределенности, трактовка которого развивается в философии науки в связи с переходом к изучению сложных самоорганизующихся систем, само по себе не является основанием связывать его с развитием мира психологических теорий. Но в психологии необходимость обращения к этому принципу имеет собственные конкретно-научные предпосылки, связанные с переосмыслением психологической причинности и с изменением понимания свободы человека при решениях и действиях в сложном изменяющемся (неопределенном) мире.

Важным аспектом перехода к неклассической картине мира стало рассмотрение изменений в понимании принципа причинности, а именно пересмотр проблемы построения знаний о мире при включении сознания в единый континуум с бытием и в процесс познания в нее человека как «непрозрачного» Наблюдателя, задающего неопределенность как необходимую составляющую процесса и результатов познания. В контексте разработки представлений о применимости к психологии идеи стадильности развития наук (В.С. Степин), с изменением критериев рациональности (Ю. Козелецкий, Г. Саймон, М.К. Мамардашвили) и формулированием проблемы полипарадигмальности психологии (С.Д. Смирнов, А.В. Юревич) в методологии психологии и стал рассматриваться *принцип неопределенности* (Корнилова, 2010б).

Какова бы ни была картина мира и человека в нем, с него не снимается ответственность за его собственную жизнь, за те каждодневные решения (включая обыденные и судьбоносные), которые он принимает. Принятие же решений (свободное волеизъявление, самоопределение) необходимо именно

потому, что бытийно заданы условия неопределенности (не будем пока говорить об отличиях объективных и субъективных ее репрезентациях). Итак, суть человеческого бытия — постоянное преодоление неопределенности, незаданность любых форм и оснований его решений и действий.

Э.В. Ильенков в своей работе «Космология духа», написанной в 1950-е годы и опубликованной только через много лет после его смерти, возможно, впервые дал то философское обоснование роли разумных существ во Вселенной, которое позже встречалось в философии без ссылки на него. Согласно его гипотезе, разумные существа (человек благодаря его разуму, который позже был понят как надиндивидуально определяемый такой объективной действительностью, как деятельность) противостоят энтропии во Вселенной. О том, что освоение категории неопределенности — не новость для психологии, писал В.П. Зинченко (Зинченко, 2007). Неопределенность связана с вариативностью и неповторяемостью как условий, так и самих актов выбора, действия, мышления. Не повторяются не только движения — не повторяются даже одни и те же решения.

Оснований психологического анализа факторов неопределенности может быть множество (Завершнева, 2001, 2002; Корнилова, 2010); часть из них рассматривается в современной психологии, базирующейся на деятельностном подходе и раскрытии категории сознания, другая — в гуманистической, экзистенциальной (а теперь еще и позитивной) психологии. Так сложилось, что не когнитивная, а экзистенциальная психология выделила бытийный аспект неопределенности как условия бытия человека в мире. Широко известна мысль В. Франкла о том, что человек может только притвориться, что у него нет выбора. С. Мадди рассматривал выбор в пользу неопределенного будущего как основание таких экзистенциальных решений, которые ведут к душевному и соматическому здоровью (Мадди, 2005).

После публикации на русском языке работ И. Пригожина обращение к проблематике самоорганизующихся и саморазвивающихся систем стало уже обязательным общим местом в характеристике специфики психологических систем, как и анализ роли постпозитивистской философии, культурологии, изменений в парадигмах естественнонаучного и гуманитарного знания в контексте обоснования постмодернистской картины мира (Гусельцева, 2007; и др.). Обсуждать постановки проблемы неопределенности в разных областях знания (и естественного, и гуманитарного) — это не значит включаться в построение постмодернистских картин мира и человека в нем, это значит другое: учитывать общеметодологические разработки проблемы, чтобы иметь возможность применять конструкт неопределенности как связующий общенаучные принципы и развиваемые в рамках частно-научных теорий подходы. Путь отрицания множественности теоретического мира психологии ничем не лучше пути методологических заимствований (Завершнева, 2001). Но идти по ним проще, поскольку там все определено и нет необходимости прилагать усилия для тех форм мышления, которые выходят за рамки «рассудочных», о которых писал Гегель. Принять принцип детерминизма легче, чем принять неопределенность, которая заставляет думать, учитывая возможности мышления за рамками формальных схем. Вот только соответствующая принципу детерминизма логика рушится, если, как писал М.К. Мамардашвили, мы всерьез впускаем сознание в мир (Мамардашвили, 1984).

Сам принцип детерминизма может быть рассмотрен как форма *редукции неопределенности* (Зинченко, 2007). Изгнание из психологии в разные периоды ее развития то образов, то свободных действий, то свободы воли выступило именно вариантами редукции психического, осуществляемой в силу неподчиненности этих психических феноменов принципу детерминации. В

последние годы сформулированы новые основания редукции психического, апеллирующие к системному подходу.

В отечественной методологии проблема построения психологического объяснения была тесно связана с проблемами специфики теоретических обобщений и их множественности в психологии. Множественность психологической причинности, а значит и необходимое многообразие теоретического мира психологии, еще приходится специально обосновывать (Корнилова, Смирнов, 2006). В методологии психологии более полувека утверждалась идея, что необходимо искать единицы психического, в которых психологическая реальность не теряла бы своей специфики (Зинченко, Смирнов, 1983). Однако в какой-то момент (когда на место советской идеологии нужно было придумать другую объединяющую платформу) она стала основанием гносеологического обоснования «монизма». И обоснования эти шли на разных уровнях — от концепции К. Маркса до концепции Л.С. Выготского.

Отметим при этом, что Л.С. Выготский в работе об историческом смысле кризиса в психологии (Выготский, 1982) подчеркивал необходимость опоры в разработке научной методологии психологии не на основы диалектического материализма (как «науки самой абстрактной»), применяющего универсальные категории к частным явлениям, «внутренний смысл и соотношение которых неизвестно», а на основе исторического материализма. «То, как сейчас определяют, словно в пробирной палате, согласуется ли данное учение с марксизмом, сводится к методу “логического наложения”, т.е. совпадения форм, логических признаков (*монизм* и пр.)» (там же, с. 421; курсив мой.— Т.К.). Чтобы реализовать марксистский подход, нужно искать «не решение вопроса психики», а «теорию, которая помогла бы познать психику» (там же). Эта теория и была разработана Выготским и его последователями как *культурно-историческая концепция*.

Расширение категориального аппарата психологии и представление ряда ее теорий как перешедших на стадию неклассических — характеризующихся принятием неклассического идеала рациональности — разрушает перспективу построения единого объяснительного принципа в психологии. Множественность теорий и множественность принципов в построении психологического объяснения, т.е. гносеологический контекст принципа неопределенности,— то, что можно противопоставлять как идее редукционизма в психологии, так и стремлению «построить» всех по Гегелю, Марксу, Выготскому и т.д.

На основе перспектив монизма и детерминизма строить психологические объяснения в психологии уже научились. Но вот к преодолению кризиса в ней это не привело. Почему бы не попробовать иной путь — *принятия неопределенности и множественности* не только мира, но и психологии? Это сложнее, поскольку тогда в психологических теориях нужно сопоставлять разрабатываемые в рамках самого психологического знания объяснительные принципы, т.е. смотреть на развитие тех или иных областей психологии изнутри, а не извне. При этом необходимо также принять неоднозначность путей развития психологии, что совсем уж может запутать картину для внешних ее оценок. не означает отказа от тех методологических завоеваний отечественной психологии, которые сыграли в ней продуктивную роль.

Это не означает отказа от освоения марксистской методологии. Другое дело, что, как показали работы М.К. Мамардашвили, апелляция к «марксову мышлению» может идти и в иных направлениях, чем было принято в идеологическом монизме советского периода (Мамардашвили, 1984).

Принципы не выдумываются в науке, а обосновываются как необходимые основания обобщений. Как определенные этапы развития науки влекли за собой разработку принципов детерминизма, так другие этапы могут потребовать разработки других понятийных оснований. Так случилось с принципом

неопределенности, «затребованным» в разных областях (физики, психологии) в разное время, но в связи с развитием их специфичных ситуаций неопределенности, которые реконструировались для развития мира теорий. И здесь для понимания связей между различными этапами научного исследования (и конкретно-научного познания) действительно необходимо использование диалектики. Но она не означает определение движения научных путей познания на платформе монизма или плюрализма. Она предполагает критичность исследовательской и философской мысли в направлении построения адекватных предмету (и не противоречащих логике) концепций.

При этом психология оказывается перед необходимостью построения новых типов психологических объяснений, новых моделей и новых концептуальных опор психологического понимания. Оно уже начало происходить «естественным» (не навязанным извне) путем. Функциональные органы, функциональные системы, не определенные — динамически и структурно — взаимодействия между интеллектом и аффектом, одновременность процессов многоуровневой регуляции выборов, решений и действий человека,— все эти концептуальные построения явно не могут быть вписаны в дедуктивно-номологические модели (разработанные в ориентировке на логику объяснения в естественных науках) или интерпретативные схемы, предполагающие специфику психологического понимания в эсхатологические, психофизиологические или иные научные и мировоззренческие ниши. Опорные точки новых типов психологических концепций возникают как прорывы обобщений, базирующихся, однако, на той или иной психологической практике — исследовательской или консультационной. Завоевание «непричинного взгляда на действительность», о чем писал М.К. Мамардашвили, в психологии происходит и как переосмысление типов психологической регуляции (и психологических законов), и как освоение новых феноменов и проблем,

выдвигающихся на первый план именно в связи с категоризацией представлений о неопределенности.

Примером выделения таких опорных точек (как экстрадигм) может служить схема понимания этапов выбора, которая оказывается общей как для *когнитивных* концепций его регуляции (Ю. Козелецкий, А. Тверски, Д. Канеман и др.), так и для понимания личностного выбора в реконструкции *жизненных миров* (Ф. Василюк). Однако и она может быть необязательной при ином типе понимания *функционально-уровневой регуляции* принятия решений как осуществляемой посредством динамических регулятивных систем, предполагающих выходы разных процессов на верхние уровни иерархий. Этому сопоставлению посвящены специальные работы (Корнилова, 2005, 2009). Сейчас мы хотели только отметить, что без такой работы по рефлексии «экстрадигм» как эксплицируемых внутренних объяснительных опор и схем в рамках самого мира психологических теорий не может быть истории и методологии психологии.

Рассмотрим одно из направлений, предполагающих неопределенность в качестве условия проведения исследований и интерпретации данных.

Качественные исследования: междисциплинарные связи или новая парадигма в психологии?

Реализация новых путей исследования — в социальных науках и в психологии — на основе философско-методологического анализа понимания как процесса диалогичного, интерпретативного, устанавливающего смыслы, а не истины, привела к возникновению и развитию междисциплинарного направления, обозначающего определенным образом отличие гуманитарного знания и называемого *методологией качественных исследований*. *Экспериментальная парадигма* (если называть этим словом определенный тип исследований, безотносительно к различиям в психологических школах) объединила предметно совершенно разные направления изучения

психологической реальности, поставив во главу угла нормативы познания, соответствующие классическому идеалу рациональности. Аналогично и *качественные подходы* — при всем их разнообразии — можно считать образующими специальную исследовательскую парадигму в рамках гуманитарного знания. Ее противопоставляли экспериментальной — как измерительной, или *количественной*, — именно с точки зрения перехода к другим целям, стратегиям, способам и нормативам познания. Ряд авторов увидели в ней тренд отказа от стремления к объективности, строгости и точности в сторону движения к охвату уникальности события (объекта, субъекта), реалистичности рассказа (об изучаемом явлении, которое нужно понять), схватыванию смыслов и переживаний человека (эти понятия, как было выше показано, становятся ведущими в психологии понимания).

Шла ли речь о *конструкционистском* подходе или более широком понимании онтологии «жизненных миров», о развитии *феноменологических* или *герменевтических* основ «качественной методологии», — важнейшим оказывался именно переход к иному подходу: *идеографическому*, противопоставленному В. Виндельбандом в свое время *номотетическому*. Соответствующие последней методологии исследовательские подходы в рамках естественных наук рассматривали любой объект познания — в том числе и человека — сквозь призму *общих* признаков (и законов в их понимании на стадии классической науки). Напротив, идеографический подход означал обращение к методам, позволяющим реконструировать предмет познания в его *уникальности*. Применительно к «понимающей парадигме» в социальных науках это означало также и смену *сциентистской* установки на *гуманитарную*, что предполагало обращение к человеку не только как субъекту, равноправному в своей позиции исследователю, но и как включенному в диалог (разных интерпретативных позиций).

Важно отметить неправомерность формулирования методологии качественных исследований как противостоящей *количественному* подходу в психологии. Качественный подход в психологии есть, а вот количественного — нет. В психологии разработаны приемы построения психологических шкал и количественных индексов для аналитически представляемых переменных. Связанная с классическим представлением научного подхода так называемая экспериментальная парадигма реализуется применительно как к качественным, так и к количественным переменным; при этом в любом случае реконструируются качественные базисные процессы, так или иначе представляющие в исследовании изучаемую психологическую реальность.

Используя данное противопоставление авторы либо заменяют этим словом (количественный) обозначение номотетического подхода — как соотносимого с экспериментальной парадигмой, либо путают измерительные процедуры с экспериментальным подходом. Основанием для последнего служит тот факт, что, действительно, для разработки психологических шкал могут использоваться экспериментальные схемы (наряду с наблюдением и психодиагностикой, которая тоже может быть как качественная, так и «количественная»⁷). Если речь идет о естественных науках, то это реально, поскольку там физическое измерение представлено именно в рамках экспериментальной парадигмы и установление экспериментальных эффектов означает одновременно их измерение. В психологии же изначально были представлены методы качественной реконструкции изучаемой реальности (сознания или поведения) — *наблюдение, самонаблюдение, беседа*.

Психологические эксперименты бывают как качественными, так и количественными. Это разграничение проходит не по линии представления *качественных* или *количественных* данных, а по свойствам используемых шкал. Количественные данные — это процедурно (методически) заданный переход от

⁷ Психометрическая оценка психологических методик разработана и для качественных методов диагностики.

квалификации к квантификации психологических реалий, совершенно по-разному представленный в основных психологических методах (наблюдения, психологического измерения, психодиагностики). Итак, в психологии используются и качественные, и количественные шкалы; и экспериментальный метод не следует подменять представлением о возможностях психологического измерения или называть лежащую в его основе методологию количественным подходом⁸.

Анализ индивидуального случая, качественная психодиагностика, разработка схем наблюдения (где данные представлены в качественных единицах или категориях) — эти методы в психологии используются, как и эксперимент, в целях *качественной реконструкции ненаблюдаемых базисных процессов*. Они реализуют в психологии подходы к изучению психологической реальности, свойственные в основном классическому идеалу рациональности. Но именно в психологии *диалогичность* исследовательских процедур и теоретические основания психологических *реконструкций* дают основания видеть в них также и существенный элемент принятия и преодоления неопределенности. Качественные исследования уже прямо сфокусированы на роли субъекта в описании и понимании и на смене позиции — с объяснения на качественную реконструкцию как реализацию методологии *интерпретативизма*. Различие же в подходах может касаться именно аспекта достижения определенных — «правильных» — интерпретаций или оставлять для них возможные «горизонты», по отношению к которым заведомо предполагается многообразие трактовок изучаемых реалий.

«Качественные исследования» как название привнесено из социологии и современных вариантов развития феноменологии и герменевтики. Оно фиксирует определенную направленность поворота к методологии описания и

⁸ Как показал К. Поппер, в основе экспериментальной проверки научных гипотез лежит гипотетико-дедуктивный подход, и принцип фальсификации только по недоразумению можно назвать «количественной методологией».

понимания, получившую поддержку в рассмотренных философских направлениях. Кроме того, за ними стоят поиски структурализма, этнометодологии, феминистских направлений, «культуральных» исследований. Все это — истоки обоснования качественной методологии как раскрывающей специфику человека в контексте социальной и культурной обусловленности *дискурса, нарратива* и других средств познания.

Последняя четверть ушедшего века характеризовалась пересмотром оснований качественных исследований. Ряд новых направлений — постструктурализм, неопозитивизм, неомарксизм, дескриптивизм, деконструкционизм и т.д. — начали существенно влиять на их методологию. Смещение жанров, критика моделей истины и значения, подчеркивание конструкционистского характера интерпретации — это все работало на снятие того допущения качественных исследований, которое заключалось ранее в принятии принципа построения если не точной, то intersубъективно согласованной репрезентации изучаемого живого опыта, переживаний человека или интерпретации текстов. Начиная с 1980-х годов, вместе с работами Дж. Брунера, Т. Сарбина, Д. Полкихорна, К. Гергена и выдвижением методологии нарратива, идея intersубъективного согласия ушла на задний план, уступив место пониманию, что нужно принимать, но контролировать неопределенность, заданную способами получения данных и интерпретаций в качественных исследованиях.

Период после 1990-х годов называют этапом систематизации методов, процедур и стандартов качественных исследований. В работах А.М. Улановского⁹ и Н.П. Бусыгиной проанализированы классификации подходов внутри самих качественных исследований и линии их освоения в психологии.

⁹ «Настоящий и будущий период связывают с моральным дискурсом, поиском и развитием более одухотворенных текстов и потребностями свободного демократического общества» (Улановский, 2008, с. 136). Это пересмотр ценностных оснований — учет экологической направленности, не западных форм существования, исторической и демографической принадлежности автора, стремление к воссоединению научности и духовности.

Междисциплинарная направленность, первенство роли субъекта в реконструкциях, ценностные приоритеты — эти и ряд других свойств позволяют рассматривать качественные исследования как проявление этапа постнеклассической стадии развития науки. При этом, как показывает обзор их предпосылок и развития, путь к данной стадии был не простым и долгим, захватившим более чем столетие. Нельзя вписать в отдельную парадигму — «описания» или «понимания» — все то разнообразие подходов, которое сложилось в философии, социологии и психологии понимания к сегодняшнему дню (и тем более — видеть в ней единственную линию, начатую В. Дильтеем).

Два вектора развития качественных исследований предложил выделять А.М. Улановский. Первый — это фокусирование исследования на переживании, субъективности, жизненного мира субъекта. Понимание направлено при таких исследованиях на выделение сущностных аспектов опыта, которые не доступны изучению классическими методами. Непосредственность знания характеризуется здесь тем, что переживание принимается «из первых рук». Второй — это как раз выдвижение проблем дискурса, нарратива и социальных практик как обосновывающих различные взгляды на внутренний мир человека, его жизнь и повседневные реалии его бытия. В этом контексте важной становится невозможность непосредственной данности переживаний другого, их опосредованность нарративом и — более широко — языком. В работе Н. Бусыгиной (Бусыгина, 2010) аналогичны две линии развития — методологии описательного исследования и понимающего как конструктивного, репрезентирующего изучаемую реальность в ее опосредствовании дискурсом, в том числе и внутренним диалогом.

Однако требуется дальнейшее прояснение того, будут ли эти две методологии обеспечивать движение теоретико-эмпирических исследований в противоположных направлениях, или же они будут представлять разные варианты движения, но сближающиеся в одной перспективе — построения все

более объективных моделей действительности (мира человека и человека в мире).

Современные поиски философского осмысления концепций мира человека на постнеклассической стадии развития науки предполагают необходимость конституирования такого поля научных исследований, где описание и объяснение, установление законов и поиск смыслов, номотетический и идеографический подходы выступали бы не в качестве дихотомий, а в качестве рефлекслируемых полюсов, к которым ведет та или иная реализуемая в конкретном исследовании методология.

Литература

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.

Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 3. С. 107–119.

Завершнева Е.Ю. Принципы неопределенности и дополнителности в квантовой механике и психологии: Проблема методологических заимствований // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. №4. С. 67–77. 2002. №1. С. 75–80.

Зеленкова Т.В. Прогрессивные тенденции развития психологии в контексте интеграционных процессов в современной науке // Прогресс в психологии: Критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 32–62.

Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: Изд-во МГУ, 1983.

Зинченко В.П. Возможны ли целостные представления о мышлении // Психологическая наука и образование. 2001. №2. С.

Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Человек в ситуации неопределенности / Под ред. А.К. Болотова. М.: ТЕИС, 2007. С. 9–33.

Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР, 1968.

Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.

Ильенков Э.В. О роли противоречия в познании // Э.В. Ильенков: личность и творчество / Ред.-сост. И.П. Фарман. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 245–257.

Канеман Д., Тверски А. Варианты неопределенности // Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 582–594.

Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии принятия решений // Психологический журнал. 2005. №1. С. 7–17.

Корнилова Т.В. К проблеме полипарадигмальности психологических объяснений (или о роли редукционизма и пристрастиях в методологии психологии) // Психологический журнал. 2006. №5. С. 92–100.

Корнилова Т.В. Методологические проблемы психологии в трудах О.К. Тихомирова и его школы // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 2008. №2. С. 59–73.

Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010а. №1. С. 140–150.

Корнилова Т.В. Принцип неопределенности в психологии: основания и проблемы // Психологические исследования. 2010б. №3.

Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.

Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 5–20.

Лекторский В.А. О философии России второй половины XX века // Вопросы философии. 2009. №7.

Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №6. С. 87-101.

Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси: Мецниереба, 1984.

Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 5–20.

Поннер К. Открытое общество и его враги. М.: Культурная инициатива, 1992. Т.1.

Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. №4. С. 3–8.

Соколова Е.Е. Нетерпимость толерантных (еще раз о монизме, плюрализме и дискуссиях о методологических ориентациях психологии) // Вопросы психологии. 2008. №3. С. 138–14 .

Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.

Улановский А.М. История и векторы развития качественных исследований в психологии // Методология и история психологии. 2008. С. 129–139.

Ценностные основания психологической науки и психология ценностей /
Под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН»,
2008. С. 21–40.

Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.:
Эдиториал УРСС, 1997.

Юревич А.В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006.
Т. 27. №1. С. 97–106.